

ор 239

п 80

В. ПРОЛЕТКИН

Пришла любовь

В. ПРОЛЕТКИН

Ор 259
1780

ПРИШЛА ЛЮБОВЬ

321179

Оренбургская областная
БИБЛИОТЕКА им. Н. К. Крупской

ОРЕНБУРГСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1960

Сборник очерков журналиста В. Пролеткина «Пришла любовь» посвящен оренбургской молодежи. Герои очерков — наши современники. Это строители Ново-Троицка, рабочие и учащиеся Оренбурга, комсомольские активисты Гая. Они показаны автором не только на производстве, но и в быту. Случается, что молодые люди ошибаются, теряют связь с коллективом, и тогда им на помощь приходят верные друзья — комсомольцы.

В очерках рассказывается о работе первичных организаций ВЛКСМ и комсомольских штабов на стройках, о поисках нашей молодежью больших путей жизни и творчества, о настоящей любви и дружбе.

ПРИШЛА ЛЮБОВЬ...

Как-то дождливым осенним днем довелось мне побывать в комитете ВЛКСМ завода «Сверл». Познакомился с секретарем Лидией Шаховой, ясноглазой, белозубой девушкой. Разговорились. Лида оказалась чудесным собеседником, и через час-полтора я был в курсе всех событий.

В беспокойной комнате комитета беспрестанно звонил телефон. Сначала из подшефной школы: молодцы, заводские пионервожатые, дельно взялись, пионеры довольны! Потом просьба из детской комнаты отделения милиции: помогите, подежурьте!

— Есть, — слегка потрянув головою, ответила Лида. — В среду пришем человек десять комсомольцев.

Заглянул в комитет представитель горкома комсомола. Как дела у рейдовой бригады? Не зазнались ли ребята (на областном совещании бригад «легкой кавалерии» им была вручена премия — фотоаппарат)...

Уходить из такой беспокойной комнаты не хотелось. Да к тому же и дождь за окном все шумел и шумел. Верный своей корреспондентской привычке, задаю вопрос:

— Лида, не припомнишь что-нибудь волнующее, необычное. К примеру, героический поступок, бескорыстную помощь другу... Бывает же такое в жизни комсомольского коллектива, правда?

— Необычное? — глаза секретаря вмиг потускнели. Она взяла в руки журнал, в котором были строго по алфавиту выписаны фамилии заводских комсомольцев, стала его листать, приговаривая: — А что у нас может быть

необычного? Ничего! Работаем, как и все смертные. Общественные напрузки несем...

Лида читала фамилии своих друзей, чему-то улыбалась про себя. Наверное, она вспоминала в ту минуту их лица, характеры, привычки... Перебрала всех, вздохнула:

— Нет, ничем не могу помочь.— И, качнув головой, вновь просияла в белозубой улыбке: — На «Сверлах» все спокойно!

Так бы и ушел я без ответа, не попадись Лиде на глаза синенький конвертик.

— Пойдите, пойдите, — оживилась девушка, — а ведь об этом, пожалуй, стоит рассказать!..

* * *

...Славку на заводе знали все. От уборщицы до директора. Если на концерте художественной самодеятельности раздавался разбойничий свист в два пальца, всем было понятно: Славка Мартыненко соизволил выразить кружковцам свой восторг и свою признательность. Если в цехе сегодня не прели батареи, никто не клял водопроводчиков, а шли к Славке и трозили ему кулаком: открой кран, чертенок! Если инструмент двух-трех товарищей оказывался после обеда где-то запрятанным, а Славка чересчур серьезным и углубившимся в дело, снова не было сомневающихся в ребячьей проказе...

Семнадцатилетний парнишка, живой как ртуть, с озорными цыганскими глазами, всем дерзил, надо всеми насмеялся. Не было конца его проказам, не было меры его озорству и проделкам. Как он виртуозно пускал табачные кольца, как ухарски носил кепку с недоразвитым козырьком. Нет, что там ни говорите, а среди «зеленых» ремесленников и учеников-подростков он выделялся своей мальчишеской лихостью!

Но особенно доставалось девочкам. Славка их вообще терпеть не мог. И они обходили парня за версту. Стоило Славке увидеть, как он говорил, «мазилку» с густо накрашенными ресницами и губами, рыжими искусственными буклями или, паче чаяния, ярким, вызывающим маникюром — беда! Устроит водную процедуру или вымажет руки в тавоте. Обычно после этого следует девичий плач, щедрые угрозы пожаловаться... И жалобы на парня сыпались, как горох, во все инстанции, от начальника участка до директора завода.

Вызывали к себе Славку взрослые люди, корили, уве-

щевали, читали нотации. А с парня как с гуся вода:

— Уж и посмеяться нельзя...

— Какой же это смех! Ты девчонке всю прическу испортил да еще по шее надавал...

— А пусть не строит из себя куклу ряженую!

Грозили парню строгими, крутыми мерами. Вплоть до увольнения с работы. А в ответ слышали:

— Подумаешь! В Америке я живу, что-ли? Работы у нас хватает!

Справедливости ради, нужно сказать, что грозить-то парню грозили, но мер крутых не принимали. Жалели парнишку на заводе. Отец погиб в начале войны. Мать подняла на ноги двух сыновей, каждый закончил семь классов. Нелегкое житье у Славки, оттого он такой... А еще прощали Славке все грехи за его золотые руки.

— Этот будет токарем, помяните мое слово! — частенько говаривал начальник участка Евгений Григорьевич Пращук. И с ним все соглашались.

Но казалось, нет такой силы, которая бы могла отучить Славку от озорства, направить на путь истинный...

А время шло. Беспокойства все больше и больше. Стали замечать на заводе, что парень связался с нехорошей компанией, пристрастился к водке, картам, участвовал в потасовках. И вот — первый в жизни прогул...

— Хоть бы вы взяли за парня, — обратились к комсомольцам пожилые рабочие. — Неровен час, пропадет!

Комсомольцы и раньше беседовали с подростком. Да что ему их слова! Вызвала его Лида Шахова.

— Плохо живешь, Слава. Одумайся, пока есть время. Держись нас, комсомольцев, дело тебе говорю.

— Это что ж, в комсомол записаться? Что я там позабыл? — дерзил Славка в ответ. — Сейчас я вольный казак. Что хочу, то и ворочу. А тогда? Грамм сто для храбрости рвану или свистну в оба пальца — меня как? Воспитывать начнете, выговоры вешать на мои слабые плечики... Нет уж!

Вот и весь разговор.

Да, казалось, и впрямь нет на заводе такой силы, чтобы могла образумить парня.

И вдруг...

Лида вспоминает, что это было в начале весны прошлого года, спустя несколько дней после решительного разговора. Парню тогда было сказано, что если он не об-

разумится, то пусть пеняет на себя. И вот на пороге комитета комсомола появился Мартыненко. Глаза не свои, тусклые. Щеки меловые. Лида была очень удивлена его приходу. Тревожно забилося сердце:

— Что-нибудь стряслось, да?

— Не-е, Лидуха, я по личному вопросу. Можно?

— Ну, говори!

Парень полез в карман за папиросами, закурил и сквозь спасительное облачко дыма выдохнул разом:

— Влюбился я. Понимаешь?..

— Ой, Славка, да неужели правда? В кого же? — у секретаря отлегло от сердца.

— Есть такая. В кладовой работает. Она еще подружкой тебе приходится — Галя Павлуцкая... Не «мазилка», а что надо!

Славкин выбор можно было понять. Летом прошлого года появилась в инструментальной кладовой красивая девушка с тяжелой русой косой вокруг головы. Уж ее не проведешь! Десятилетка за плечами, в метизах и инструменте не хуже Славки разбирается. Навела порядок в кладовой, командует ребятами, что твой начальник участка. Ни к чему не придерешься. Всегда аккуратная, поверх черного халата беленький воротничок. Глаза карие, большие. Лезешь без очереди, расталкивая приятелей, — хмурятся, не замечают тебя. А встал в очередь честь по чести — другое дело, рады тебе, светятся каким-то внутренним добрым светом. Ни одни девчоночьи глаза не были еще так рады Славкиному существованию на белом свете. Вот ведь чудно как!

— Славка, милый ты наш дуралей, ну и что ж дальше? — Лиду явно заинтересовало парнишкино признание.

— Не хочет она со мной дружить, вот что. Говорит: хулиган ты, неисправимый! Помоги, секретарь!

— В чем же? Любовь — это... это... — Лида хотела сказать, что любовь — дело сугубо личное, но так и не договорила: в глазах у нее забегали лучистые смешинки. — Сам понимаешь, не могу ничем помочь.

— Как не можешь? — удивление Славки было искренним. — Ты секретарь, а она комсомолка обыкновенная. Прикажи ей или как там у вас... комсомольцев. Ну, поручи, что ли!

Лида не выдержала и звонко засмеялась.

— Ой, умру! Разве так добиваются дружбы? «Пору-

чи». Ты заслужи уважение человека хорошими делами, поступками. Права Галя, веди себя прилично. Брось дурную компанию. Чтобы все могли сказать: «Вот это юноша! Берите с него пример!»

— Буду таким, буду! Слово даю! — горячо произнес Славка.

— Ой ли?

— Вот посмотрите! И пить брошу, и курить, и на-смешничать!

— Посмотрим, посмотрим... А пока... — Лида развела руками: мол, на меня не рассчитывай.

— А ты все-таки поговори с ней, Лида. Ну, Лидочка! Так и так, мол, он исправится... А?

По дороге домой Лида долго думала над этим разговором. Смешно, конечно, получается. Разве она имеет право уговаривать подружку дружить с известным на весь завод сорви-головой? Разумеется, нет. Но в то же время эта необычная просьба Славки, его желание исправиться, стать лучше трогали за душу, заставляли задуматься. А что, если попытаться?

...Галя всплеснула руками. Она и слышать не хотела о дружбе с дерзким хулиганом, от которого частенько разит водкой, а в голенище, чего доброго, финский нож за-прятан...

— Да что ты, Галочка? Он неплохой. Видишь, мы подхода к нему не нашли, ясно? Раньше мы его вызывали, нотации читали, а он и слушать не хотел. Теперь сам, учти, сам пришел и говорит: буду хорошим, поверьте и разрешите быть около вас...

— Не около «вас» он будет, а около меня. Большая разница!

— Галочка, ведь и я буду рядом, родная. Может, он исправится, станет хорошим. Разве это плохо: человек бросит хулиганские проделки, порвет с дурными людьми... А там и в комсомол вступит!

— Ты уж совсем!

— Да-да, в комсомол! Эх, и зачем он в тебя влюбил-ся! Лучше бы в меня...

Довод подруги был неотразим. Галина сдалась...

Через день в комитете снова появился Славка. Он не смотрел Лиде в глаза. Застенчиво перебирая кепку, выложил на стол три билета в театр драмы:

— Вот. Сто лет не был в театре, приглашаю. Если не

придете, плакать не стану. Но обидно будет. — И ушел.

Вечером две подруги встретили возле колонн театра совершенно смущенного Славку. Он был опрятно одет, аккуратно причесан. По всему видать, их знакомый побывал в руках у одного из лучших парикмахеров города — от него за квартал несло духами «Шипр». Он стыдился своей опрятности, и девушки решили его не трогать.

Спектакль всем понравился. Славка долго возмущался поведением вероломной героини, которая не стала ожидать героя, уехавшего на учебу.

— Это нечестно. Это не по-нашему. Правда, Галочка? — обратился он к Гале. — Наши заводские девчата лучше... Вернее.

— А почему ты так думаешь? — Галя впервые за вечер отважилась взглянуть прямо в черные цыганские глаза.

— Хотелось бы, чтобы они были лучше...

Галя еще выше подняла свою гордую, увенчанную клубком тугой косы голову. Ответ пришелся ей по душе.

Частенько их можно было встретить втроем в кино, спортзале, клубе, планетарии. Или просто гуляли по вечернему Оренбургу, наполненному свежим дыханием весны. «Сорви-голову» будто подменили. Он жадно тянулся к тому, мимо чего старался пройти в первые годы юности. Подруги записали его в библиотеку, приобщили к занятиям в политкружке. Он же, в свою очередь, потащил их в спортзал и на стадион «болеть» сначала за волейбольную, а потом и футбольную команды. Ведь он играл в этих заводских коллективах...

И вот тут-то случилась одна история, мимо которой никак не пройти.

Славкины дружки по компании до поры до времени спокойно взирали на своего «кореша». Влюбился! Пусть его! Как волка ни корми, а в лес все равно заглянет. Наш будет. Прежний.

Прождали дружки месяц, ждут второй. Не возвращается Славка, сторонится их компании. Больше того, как-то дежурил на улице с красной повязкой. Таких, как они, «свободных личностей» за шиворот таскал в штаб... Н-да!

И дружки решили перейти в наступление.

Встретить Славку легче легкого. В какую смену сегодня работает красивая кладовщица? В третью. Значит,

Славка вечером снова будет дежурить около проходной.

План был разработан как надо. Не устоять Славке перед соблазном, ей-ей! Сдастся! Первый, как бывало, хлопнет дружков по плечу и сверкнет глазами-угольками:

— Айда, братцы, «шкодничать» по старой памяти!

Но все обернулось иначе. Славка не выказал радости при появлении дружков. Только удивился:

— А-а, это вы... Куда путь держите?

— Шагай с нами. Сделаем набег на общежитие. Устроим девичий переполох. Улю-лю, малина!

— Не интересно это, братцы, людей пугать...

— Тогда заскочим в Восточный поселок! Кое с кем надо рассчитаться... Ясно?

— А мне никто плохого не делал...

— Да ты что, «Мартын», и впрямь под девичий каблук попал? Может, и выпить с нами откажешься? — Белыми рыбинами сверкнули две бутылки водки, главный соблазн дружков...

Славка замолчал. Друзья довольно гоготнули.

— Ну, будет уж. Пошли... — приятели взяли Славку под руки, увлекая за собой. Он было подчинился им, прошел два-три шага, но остановился.

— Не надо. Не дразните, прошу. Слово я дал, понимаете?

— Плевали мы на твое слово. Айда!

И... сдался Славка. Обмяк, понурился. Пошел. А на пути Галя (вышла из проходной, нет провожатого! Где же это он?). Встала. Гордая, молчаливая. А когда Галина молчит, не по себе парню становится.

— Я вернусь... Скоро я...

А Галина продолжала молчать. Только провела рукою по глазам: Славка ли перед нею? И пошла тихонько в сторону своего дома... Хоть бы отругала!

Рванулся Славка из цепких рук приятелей. В три прыжка настиг девушку, тронул за плечо.

— Виноват я, прости. Мне с тобой по дороге...

И как-то само собой стало случаться, что Галя и Славка все чаще оставались наедине. Парень провожал ее на работу, встречал после смены. Она не тяготилась его присутствием. Ей не стыдно было теперь пройти со Славкой под руку. Новым Славкой. Сбылись слова старого начальника участка: Славке присвоили сразу четвертый разряд токаря! О нем одобрительно отзывались на

заводе. Никто теперь не свистел на концертах. Не бросал грубых реплик лектору. Батареи в цехе работали нормально. И даже девочки считали Славку укрощенным...

Ох, уж эти девочки! Нельзя и посмотреть на них чуточку больше положенного да по старой привычке крепко надвинуть кепку на голову. Уже кричат: «Славка, смотри, Гале пожалуемся!»

А Галя для Славки не только любимая девушка. Она ведь еще и дружинница. Тянет и Славку за собой. А он упирается:

— Нет, в дружину вступать не буду. Я так, помогаю тебе...

И помогал! Дежурил вместе с Галей, шагал по улицам с красной повязкой на рукаве. Встречные смотрят на них с одобрением: патруль... Понравилось Славке это благородное дело, летом подал заявление в народную дружину.

А еще через месяц по заводу разнеслась молва: Мартыненко вступает в комсомол. И рекомендацию ему дают сами члены комитета ВЛКСМ.

* * *

...Лида закончила свой рассказ, все еще держа в руках синенький конвертик.

— Что у тебя?

— Ах, да! С этого, пожалуй, и надо было начинать. Это весточка от Вячеслава Мартыненко. Недавно проводили мы его в армию, на действительную. Когда прощались, пришел в комитет, большу-у-щую плитку шоколада преподнес. Это, говорит, за то, что помучилась за меня. А здесь в письме он обращается ко всем комсомольцам. Вот послушайте:

«Здравствуйте, комсомольцы завода «Сверл»! Пишет Вам комсомолец Слава Мартыненко. Спасибо, друзья, за все, что вы сделали для меня. Особенно благодарю Валерику Ермоленко за рекомендацию. Я оправдаю его доверие. Прошу, напишите мне, как живет и работает наша комсомольская организация. Я очень интересуюсь.

Передайте привет начальнику моего участка, директору завода, секретарю партбюро. Особый привет Гале Павлуцкой».

И ниже приписка:

«Целую всех крепко».

Дождь за окном, видимо, только и ждал, когда Лида закончит свой рассказ. Он сразу же прекратился. Я встал, пожал Лиде руку. И уже на улице, шагая по широкому Челябинскому шоссе, почему-то не раз вспомнил Лидины слова. Помните, те, что она сказала в начале беседы: «А что у нас может быть необычного? Ничего! Работаем, общественные натрузки несем...»

НЕОТПРАВЛЕННОЕ ПИСЬМО

Семен долго ходил по комнате, не решаясь взяться за перо. Трудно, оказывается, раскрыть людям душу... Поймут ли они его, помогут ли?

Он еще и еще раз прошел от окна до порога, выкурил последнюю папиросу в пачке, неторопливо потушил окурок и сказал вслух, как бы успокаивая самого себя:

— Ладно, семь бед — один ответ.

Парень вырвал чистый лист из тетради, приготовил ручку и, почти не останавливаясь, опасаясь, что его решимости хватит ненадолго, стал писать.

«Дорогая редакция! Посоветуй, как быть, как поступить дальше? Мне уже двадцать два года. Отец пришел с войны инвалидом, больна и мать. С раннего возраста (мы жили на станции Цвиллинга) мне приходится работать, заботиться о родителях. Когда же я, отслужив в Советской Армии, вернулся домой, родители были на обеспечении старшего брата и его жены. Брат — тихий, застенчивый человек, а жена...»

Семен на миг остановился, вспомнил холерное лицо снохи, ее холодные глаза...

«Вот тут-то и вся закавыка, — продолжал он. — Мне, откровенно говоря, не понравилось, что она мать своего мужа называет «тетей Настей», командует ею: «Подай то, принеси это». Родители терпят. А я не стерпел. Известное дело, получился скандал. Обвинили во всем меня, мол, принес в семью раздор. Отец сгоряча даже прикрикнул... Тогда я решил уехать в Оренбург, поступить на завод. И чтобы ноги моей дома не было!

Поступил, работаю. Уладил с жильем, живу. Но знае-

те, как тяжело на душе? С родными в ссоре, одиночество угнетает.

И вот (стыдно писать, но приходится) стал часто выпивать с дружками, курить научился, хотя до этого не знал, что такое водка, папиросы. А потом появились женщины. Несерьезные. Говорят: что так плохо одет, почему под «додика» не стиляешь? И я смалодушничал, начал «стилять».

Семен глубоко вздохнул, поднял голову, увидел себя в зеркале и сказал:

— Вот так, брат, дожили,— и снова обратился к бумаге:

«Рестораны, кутежи, сомнительная компания — все это засасывает. Бросил учиться в вечерней школе, оставил драмкружок. Раньше на работе хвалили, а теперь все валится из рук. Плынут мои дни, как в тумане. Брань ребят, возмущение официанток, едкий дым табака жжет горло... Что будет со мной дальше, не знаю. Как выбраться из этой грязи, ума не приложу.

Помогите разобраться, дорогие товарищи!»

Парень вздохнул, торопливо пробежал глазами тетрадные листочки и подписался:

«Семен Фролов, слесарь из Оренбурга».

Письмо было написано, но Семен не успокоился.

«Помогите разобраться! Помогите разобраться!» — эта фраза будоражила.

Семен неторопливо пошел к почте. А от нее рукой подать до дома закадычного дружка Борьки. Там собирается вся их развеселая компания. Будут пить до чертиков в глазах, выкидывать нелепые «па» в крутом табачном дыму и кричать:

— Не грусти, Семен! Ну их, родителей... Хлопни еще стаканчик, пройдет!

Так было и вчера, и позавчера, и вот уже третью неделю кряду. При одном воспоминании об этом Семену стало не по себе, он досадливо поморщился, невольно сбавил шаг.

Парню вдруг показалось, будто в нем сидят два разных человека. Один — теперешний, надломленный и заблудившийся автор письма. Другой — прежний, сильный и разумный, с трезвыми взглядами на жизнь.

«— Может, не пойдешь к Борьке?» — проговорил сильный.

«— Как же, слово дал, неудобно»,— ответил заблудившийся.

«— Неудобно! А удобно писать покаянные письма! — прежний Семен перешел в атаку.— Видел бы тебя сейчас ротный командир капитан Романов, не одобровать бы! Ишь, нюни распустил: обидели его папа с мамой! Одиночество какое-то придумал. Просто ты, Семен, слонятый, безвольный человек!»

«— Это я безвольный!? — шевельнулась в груди обида. — Помню годы службы. Нелегко она давалась. И все-таки кучу благодарностей от командования заслужил!»

«— Тогда не ходи, Семен, одумайся! Покажи людям, что можешь сам подняться на ноги. Ведь еще не поздно. Давай-ка топай мимо знакомого серого дома. Топай мимо! А письмо? Письмо отправлять не нужно. Сами справимся. Сами споткнулись, сами и поднимемся».

Наутро Борька, неся спиртным, спросил:

— Ты где вчера нагрузился? Даже до нас не дошел. А тобой, понимаешь, одна особа икала...

— А я не цистерна, чтобы грузиться. Я книгу читал. Душевная такая попалась...

— Ладно, байки-то не рассказывай. Я не комсорг, понятие имею. До вечера, ждем! — крикнул Борька и побежал в свой цех.

Но не дождалось дружки и на этот раз. Дело было в субботу, и Семен уехал домой навестить своих стариков.

Парня родные встретили сдержанно. Кто его знает, с чем пожаловал на этот раз, какие еще порядки новые будет устанавливать...

Мать спросила:

— Чего не писал-то? Поди, неприятности? Сообщил бы...

Старому солдату такая дипломатия показалась ни к чему. Отец сказал прямо, по-мужски:

— Баста! Было — сплыло, и все тут. Угости-ка городскими сигаретами. Пальцы, вижу, прокурены... Начал дымить?

У парня гора свалилась с плеч:

— От нечего делать, батя. Брошу скоро...

В понедельник Семен работал с подъемом, как и раньше, в первые дни. Его напарники подивились жадности, с какой он просил новой и новой работы.

— Что с тобой?

— Дома был. Молоко парное пил... Вкусное!

На работе он забывал обо всем. Даже о том, что ему не дотянуть до зарплат (вот они, бесшабашные вечера!), придется где-нибудь занять деньги...

А вечером вспомнилось старое. Не хотелось сидеть дома, боялся, что нагрянет Борька с друзьями, потянут пропивать последние рубли. Но и податься некуда. Пошел бродить по улицам вечернего города.

Из переулка вышла рота солдат. Молодые, крепко сбитые ребята шли четким строем, нога в ногу. Семен остановился и проводил людей в зеленых гимнастерках восхищенным взглядом. Пахнуло чем-то родным, хорошо знакомым. Ведь всего несколько месяцев тому назад он сам был вот таким же подтянутым, молодцеватым, на душе было невозмутимо. Он нес службу исправно. Знал, что это почетное дело в нашей стране. Знал, что живет не зря. И невольно захотелось догнать солдат, пойти с ними в ногу, чтобы встречные слышали его четкие шаги, видели его твердую походку, любовались бы им! Да, он добьется: люди будут им гордиться!

Семен вспомнил, что есть у него один давний приятель. Вместе служили, вместе демобилизовались. Вместе посещали драмкружок при клубе имени Дзержинского. Правда, особой дружбы между ними не замечали. Однако — знакомые...

С трудом отыскал дом (всего один раз заходил). Открыл сам хозяин — Юра Лювин.

— Какими судьбами?

— Так, от нечего делать...

— Заходи, у нас компания. Дурачимся.

«И тут компания... — недовольно поморщился Семен, — вот уж действительно, из огня да в полымя». — Он стал отнекиваться.

— Да ты не стесняйся, — Юра потащил его в комнату, — девчата, знакомьтесь, а ля амур в потенции Сеня Фролов!

— Почему в потенции? — не понял кто-то.

— Да потому, что ни один режиссер не берет на себя смелость дать ему роль первого любовника! Но наш Семен не унывает. Его час еще пробьет. Ведь как у нас: и старики играют юношей влюбленных! Зато со знанием дела, — Юрий заразительно засмеялся, его поддержали.

Да, здесь дурачились. Но эти милые насмешки, добро-

душные смешные рассказы из жизни, книг были Семену куда более по душе, чем сальные анекдоты, сплетни, дешевая рисовка дружков и девиц из Борькиной компании. Здесь не взбадривали себя водкой. Мало курили. Зато много смеялись, спорили о книгах, кинофильмах, говорили о контрольных работах, предстоящих учебных сессиях. И девушки держали себя с достоинством, так, что имя каждой невольно хотелось произнести полностью: «Мария», «Людмила»...

В доме Юрия Семен дышал полной грудью. Он словно попал в заводской вечерний профилакторий. Когда кто-то высказал мысль отправиться всей компанией в кино, Семен поддержал предложение и даже вызвался сходить за билетами...

Семен зачастил на улицу Комсомольскую. Была и еще одна причина: ясноглазая девушка Маша Семенова, воспитательница из детского сада. Она как-то сразу заинтересовалась судьбой парня, его кривыми дорожками.

— Ты хоть что-нибудь читаешь?

— Любил когда-то. Знаешь, даже библиотеку собирал.

— А учиться хотел бы?

— Мечтаю еще с армии...

И тут Маша решилась.

— Знаешь что, давай дружить! — как-то просто сказала она. — Может, помогу в чем... Я учусь заочно в Ленинграде. Ты приходи ко мне, недалеко живу.

Семен был рад такому приглашению, но ответил нерешительно:

— Я бы пришел... Но, понимаешь, как посмотрят на это другие...

— Кто — «другие»?

— Ну, хотя бы Юра...

Все знали, что Юра ухаживает за Машей и посмотрит на их дружбу, разумеется, косо. Человек он прямой, откровенный и не привык держать камень за пазухой. Если что не по нему, говорит сразу, без обиняков. Семен это знал и не удивился, когда Юрий отозвал его в другую комнату. Закуривая, он проговорил:

— Чего ты все с Машей да с Машей? Девушек других нету, что ли?

Семен тоже решил быть откровенным:

— Ты прости меня, Юра, но мне с ней хорошо. Так же хорошо, как с тобой. А может, — даже лучше.

Ребята посмотрели друг другу в глаза, и Юрий прочел во взгляде товарища просьбу: пойми, прости и не мешай... Юрий бросил недокуренную папиросу и молча вышел. Он оказался настоящим другом.

В этот вечер Семен впервые провожал Машу. И когда возвращался домой, то ему показалось, что звезды над головой сияют пуще прежнего, а ветер с Урала не такой уж резкий... Семен крепко, по-военному печатал шаги по земле, они гулко раздавались в тишине ночного города.

Он понял, что с хорошими друзьями выходит на правильную стезю в жизни. А уж он-то постарается! В доказательство вынул из кармана и скомкал в руках только что распечатанную пачку сигарет. Так они договорились с Машей.

321179

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Все было знакомо в молодом городе. Уютный вокзальчик, стройные рядки подстриженного карагача, громады домов в Западном поселке. Только чувство неудовлетворенности собой было незнакомо. Оно пришло не сразу, но засело в душе цепко, и, кажется, нет ему оттуда выхода...

Сагит поднялся на второй этаж общежития и в нерешительности потоптался перед двадцать шестой комнатой. Здесь когда-то он жил, здесь и сейчас квартируют его друзья. Поймут ли они его? Эх! Была не была! Юноша взялся за ручку.

— Сагит? Это ты? — в словах хозяев комнаты звучали и радость, и удивление, и недоверие...

Дальнейшее Сагит плохо помнит. В комнате стало шумно. Ребята подхватили чемодан, сорвали с парня пальто, затискали в объятиях. Но Валерке Камалееву этого показалось мало, он выскочил из комнаты в коридор и рывкнул во всю ивановскую:

— Сагит вернулся на стройку!

* * *

...А дело было так. Пятеро пареньков держали курс в Ново-Троицк. За плечами — десятилетка, в плечах — кося сажень, руки чешутся, работы просят. Прослышали ребята, что их ровесники строят в оренбургской степи металлургический комбинат — и взяли их завидки... Кто-то идет тропой отцов, а они не у дел — где же справедливость!

Но не так-то все оказалось просто. В тресте «Орскметаллургстрой» новичков стали убеждать, что, прежде чем строить домны и мартены, нужно поучиться.

— Какая там еще учеба, — удивился Сагит Багаутдинов, небольшого роста крепыш с черными глазами, — вот он, аттестат, в кармане...

— Аттестат зрелости — вещь хорошая, но его одного маловато, — заметили в тресте.

Делать нечего, пришлось смирить гордыню и поступить на десятимесячные курсы, которые готовили каменщиков и монтажников. Но и после курсов друзьям не повезло: их направили сооружать телецентр в Орске. И только в начале 1958 года, когда по всему Оренбуржью разнеслась весть об ударном комсомольском строительстве новой домны на Орско-Халиловском комбинате, друзья приободрились: пусть-ка теперь их обойдут, до ЦК рукой подать.

Их не обошли. Бригаду Леонида Попова перевели на домну и поручили монтаж одного из трех воздухонагревателей. Это сооружение состоит из двадцати четырех металлических колец, так называемых сарг, высотой в два, диаметром в восемь метров.

К этому времени Сагит уже считался помощником бригадира. Ребята подобались рослые, отчаянные. В июле бригада заняла первое место среди монтажников (она на 15 дней раньше закончила монтаж воздухонагревателя), ей присудили переходящее Красное знамя комсомольского штаба стройки.

Вручали знамя в клубе строителей. Начальник комсомольского штаба Владимир Максименко хорошо знал Сагита Багаутдинова, которому бригада поручила принять знамя. Сагита наградили Почетной грамотой горкома ВЛКСМ, его ставили в пример новичкам.

— Так держать, Сагит! — улыбнулся Владимир.

— Постараемся, — ответил смущенный парень.

На собрании строители приняли обязательство: на месяц раньше правительственного срока сдать домну в эксплуатацию. Наступили напряженные дни. На счету была каждая минута времени, каждая тонна смонтированных конструкций.

И вот в такие-то дни девятнадцатилетний Сагит все чаще и чаще стал ощущать тоску по родному дому. Он пытался прогнать нелепые мысли, но они, словно осенние

мухи, так и кружили над ним... Где-нибудь на высоте он вдруг начинал искать глазами запад, словно хотел разглядеть в синей дымке родную Пономаревку...

— Сагит, не спать! — слышался голос напарника.

Руки привычно принимали металл, намертво закрепляя его надежными болтами, а из головы не выходили мать, отец, Салима... Вот бы сейчас пройтись по улице, где живет Салима! Ого! Он уехал незаметным пареньком, а теперь — лучший человек на стройке, зарабатывает прилично. Оделся с иголочки, в кармане не пусто... Чем не жених!

— Уеду! Без меня, что ли, не закончат домну! Подумаешь, один монтажник убудет!..

Сагит написал заявление об увольнении с работы.

— Ты что, не проспался? — нахмурил брови бригадир, прочитав тетрадный листочек.

— Я серьезно. Домой тянет.

Бригадир отослал к начальнику управления «Сталь-монтаж». Тот тоже стал взывать к совести, а когда понял, что не помогает, уткнулся в какие-то бумажки, словно Сагита не было в комнате.

Решительнее всех поступили ребята. Они наотрез отказались провожать на вокзал. Более того, вынесли койку Сагита в коридор. Пусть все знают!

Сагит пошел на вокзал без провожатых. А из открытых окон общежития до него донеслось:

Гарун бежал быстрее лани,
Быстрее, чем заяц от орла..

Кто-то стал читать наизусть лермонтовские строки про юношу-труса, убежавшего с поля брани. Сагит заспешил, начал было сворачивать за угол, но его догнал-таки звонкий смех:

— Нет, нет, не Гарун! Его зовут Сагит!

Встреча с родными была не совсем такой, как представлялось. Сначала все обрадовались, не знали, как и благодарить за подарки. Отец, инвалид войны, поудобнее уселся у окна, закурил самокрутку.

— Ну, рассказывай, как живешь, как домну строишь? — спросил он и, не дожидаясь ответа, забросал вопросами: — Надолго ли на побывку? Как товарищи? Знамя-то держите?

— Я насовсем. А ребята — ничего, остались...

— Что ж ты?

— Соскучился. А потом, что особенного? Там ли я, тут ли...

Глаза отца потускнели, он несколько раз переложил самокрутку из руки в руку, словно она обжигала пальцы.

— А там и без меня управятся, — продолжал сын.

Старый Сарвар молчал. Наконец сделал длинную затяжку и пристально посмотрел на огонек папиросы:

— Тебе видней. Тебе жить!

Не пришла вечером на свидание и Салима. Передала через подружек только одну фразу: не хочет с ним встречаться. Не хочет? А почему?

Сагит бродил по родным местам в одиночестве. Знакомые с ним вежливо здоровались, расспрашивали о стройке, о новом городе юности. Им же меньше всего интересовались. А он так спешил к этим людям! Хотел, чтобы люди порадовались, увидели, каким он стал. Ведь они Сагита видели мальчишкой, а сейчас он большой, сильный. Почему же они не радуются?

Однажды Сагит услышал сообщение оренбургского радио. Передача была посвящена домностроителям, их трудовой победе: домна поставлена на сушку на месяц раньше срока.

Сагит не мог усидеть на месте. Он побежал к отцу, хотел сказать ему, что это значит — на месяц раньше срока! Но сказал совсем другое:

— Я ж говорил тебе: и без меня обойдутся!

Сарвар не торопился с ответом. Зато ответил, как отрубил:

— Они обошлись. А ты обойдешься?

— А что ж — живу.

— А-а! — последовал небрежный взмах рукою.

Этот взмах отцовской загрубелой руки был красноречивее многих слов. Ведь когда-то дружеские руки крепко обнимали Сагита, рукоплескали ему, поздравляя с победами. А теперь он увидел, что руки могут выражать и другое — презрение.

— Занялся бы чем-нибудь, сынок...

— А почему бы и нет? Напишу ребятам и... — Сагит проглотил слово «вернусь». Кому он напишет? Тем, кто назвал его Гаруном? Тем, кто принял на себя все тяготы, все заботы предпускового периода стройки? Тем, кто обходится без него? И есть ли теперь у него друзья?

И впервые понял Сагит, как необдуманно поступил.

Вот в чем причина скуки. Его воспитал коллектив, сделал человеком. А он бросил товарищей, предал их в самый решающий момент! Позор!..

Что делать? Вернуться? Да на него смотреть-то не будут. К тому же засмеют. Устроиться здесь на работу? А что он может делать? Работать в пекарне, парикмахерской, щелкать счетами в конторе? Нет уж, увольте! Он монтажник-высотник, он видел небо...

Парень не находил себе места. Куда бы он ни шел, чем бы ни занимался, перед глазами стояли лица ребят, вспоминался бригадир. Вот ведь были времена! На душе спокойно, вокруг тебя — друзья. С утра подъем, веселый душ, короткие сборы на работу. Шли они обычно одной семьей, в ногу, словно солдаты. На теле плотные куртки, перехваченные широким ремнем, а сбоку свисают цепочки защитных поясов. Идешь поселком, а цепочка позвякивает: цок-цок. Люди поглядывают с уважением: не всякий может работать на высоте.

Они были верны своей привычке обедать вместе, есть из «общего котла». Это означало, что кто-нибудь из бригады уходил в столовую на пять минут раньше и заказывал на всю братию свое любимое кушанье. Официантки сбивались с ног, накрывали сразу на три-четыре стола. Борщ дымился, а братия еще не появлялась, она на подходе, она руки мыла....

Вспоминалась двадцать шестая комната. Интересно, над чем сейчас трудится Радик Бикулов, страстный поклонник живописи? Неужели все еще над «Утром стрелецкой казни»? Или что-нибудь свое рисует? Как успехи фотолюбителя Рафката Юсупова? Поди, уже здорово снимает! А Саша Алексеев, тот самый Саша, что имеет привычку поломаться, прежде чем взять в руки гармонiku, неужели до сих пор набивает себе цену? А Валерка Камалеев. Ну, тот неисправим: опять, видимо, новое знакомство, новое увлечение... А его, Сагита, наверное, вспоминают в комнате недобрым словом: динамик он так и не исправил, наобещал только...

Да, были добрые времена! Вернутся ли они назад? Но делать что-то надо. Надо снимать пятно позора с себя. А как? Уехать на одну из строек Сибири или Дальнего Востока? Но возьмут ли там... Скажут: почему ушел с прежней?

Лицо Сагита просветлело. Он вспомнил: его погодки

служат в Советской Армии, ему же дали отсрочку на пару лет, как окончившему курсы при стройтресте. Решено, он идет по своей воле. Пусть мать так и напишет друзьям: ушел в армию.

Военком выслушал сбивчивый рассказ паренька и был немного удивлен: время не военное, а поди ж ты, добровольцы объявляются!

— Ну что ж, послужи, браток, послужи, коли хочется.

Больше всех такому повороту дела был рад старик отец. Он по-прежнему много курил, но папиросы уже не обжигали пальцы. А когда Сагит отправлялся на автобусную остановку, на улице промелькнула фигура Салимы.

— Ждала! — обрадовался парень. На душе стало совсем легко.

Радостно было видеть себя в коллективе бритоголовых крепких парней. И хотя поначалу было трудно, Сагиту эти трудности показались пустяками. Хуже было другое: солдата стали направлять на разные медицинские осмотры, комиссии. Еще на курсах в Ново-Троицке ему делали операцию, удаляли железы. Да, видимо, дело было не в железах...

— Э-э, батенька, как нехорошо получается! — мягко проворковал на последней комиссии седой полнеющий врач, — придется вас отправить назад.

— Куда «назад»?

— К родным пенатам. Домой!

— Что вы, товарищ военврач! Мересьев без ног служил, а у меня какая-то ерунда с горлом. Подумаешь!

— Было, было такое: и служил, и воевал, — вновь заворковал доктор, заполняя карточку, — всему свое время, батенька мой. Следующий!

Как ни сопротивлялся Сагит, куда ни подавал рапорты, все было бесполезно. Его отослали домой.

Вновь сидит парень у единственного утешителя — радиоприемника, снова издали радуется успехам друзей. Они уже пустили комсомольскую домну, теперь взялись за строительство листопрокатного стана «2800», объявив его ударным, комсомольским. Как бы хотелось быть вместе с ними. Объем монтажных работ на стане куда больше, чем на домне. Только как вернешься? Как помотришь в глаза друзьям?

Сагит невольно вспомнил лермонтовского «Беглеца»

и усмехнулся: «Последовать его примеру?» Нет, теперь другое время. Ведь он ушел со стройки по закону, подав заявление об увольнении. Он может и вернуться туда по закону, подав заявление о приеме. Может... Но тогда почему не едет, не подает? Оказывается, кроме закона, существует рабочая честь, рабочая гордость. Он-то и попрал эти святыни, ушел под презрительными взглядами друзей. Возвращение возможно только тогда, когда друзья поверят ему, простят легкомысленный поступок. Решено: он едет в Ново-Троицк. Едет к друзьям!

Ново-Троицк встал перед глазами рано утром. Справа, в огромной ложине, залитой красными лучами просыпающегося солнца, блестели крыши трех- и четырехэтажных домов, выделялось массивное здание строительного техникума, а чуть дальше, в Западном городке, упирались в небо подъемные краны, похожие на журавлей. Но Сагит бросился к левому окну вагона. Он знал, что увидит здесь то, чего давно просило сердце. Из окна открывалась панорама строящегося комбината — воздухонагреватели доменных печей, здания электростанции, водоотстойной, коксовые батареи... Это было величественное зрелище! Лицо юноши расплылось в широкой улыбке.

* * *

...В двадцать шестую потянулся весь второй этаж. Многие не верили, что Сагит вернулся на стройку. Но юноша сидел в комнате, похудевший, лицо бледное, уши пылают. Он что-то горячо рассказывал. И когда кончил, Саша Алексеев, тот Саша, что имел привычку поломаться, на этот раз без уговоров взял в руки гармошку. Заиграл он знакомый мотив народной песенки, которая, не мудрствуя лукаво, рассказывает о том, что можно всю вселенную проехать, да нигде счастья не найти...

— Так, что ли, дружба? — засмеялись ребята.

И не успел Саша закончить песню, как Валерка с Радиком втащили в комнату кровать, а потом на пороге показалась комендантша Вера Петровна, в руках у нее были постельные принадлежности.

— Явился, не запыхался, беглец ты этакой! Подставь уши, иначе не прощу.

Вера Петровна была добрейшей женщиной на свете. Сагит покорно опустил перед ней голову.

— Зачем кровать? Может, меня и не возьмут еще на работу? — сказал он с тревогой.

— А мы на что? Будем просить опять к нам в бригаду.

Друзья оказались друзьями. У Сагита защипало в глазах...

Вот и вся история, которую мне рассказал на стане «2800» сам герой — Сагит Багаутдинов. Его здесь все знают, ценят и уважают. Парень работает старательно, считается одним из лучших прокатостроителей. Когда он узнал, что я хочу написать о его поступке, то не стал разубеждать, а, наоборот, поддержал:

— Пишите. Пусть читают люди. Может, поймут, что от добра добра не ищут.

НА РАБОТУ СЛАВНУЮ...

ВРЕМЯ, ВПЕРЕД!

Человек в военной шинели торопился. Он то и дело так поглядывал на часы, словно не доверял своей «Победе». Ему все казалось, что поезд движется под стать черепахе. Да и пассажиры подобрались какие-то уравновешенные, беззаботные, мирно попивали утренний чай. Никто никуда не торопился... Эх, дали бы ему крылья, не стал бы он попусту терять время!

— Не терпится, воин? На передовые позиции мегийшь,— за спиной Виктора Поляничко, демобилизованного старшины и комсорга одного из подразделений Приволжского военного округа, улыбался секретарь обкома ВЛКСМ.

— Угадали. Скорей бы в Гай. Сплю и вижу стройку, город, комбинат. Просыпаюсь — темно в купе... Кажется, неделю еду эти разнесчастные триста километров, конца краю им не будет!

— Так уж и не будет. Вот и ошибся. Смотри, подъезжаем,— секретарь указал на окно.

В утренней дымке вставал большой индустриальный Орск.

— А в Гайе сейчас такого пейзажа нет. Как поется в песне, «степь да степь кругом»,— секретарь неожиданно закончил веселый разговор и серьезно глянул на старшину: — А не сробеешь, Виктор, выдюжишь?

— Выдюжу. Сказал, слова менять не буду. Знаю, там будет трудно, потому и еду. Хочу быть первопроходцем. Ведь это просто замечательно — в числе первых приехать на стройку нового города, в котором потом будут жить

и трудиться советские люди. А матери в Запорожье я уже написал, не беспокойтесь. Так и так, мол, мама, демобилизовался, еду в Гай. Коротко. Она привыкла.

— Ну что ж, старшина, тогда нам с тобою по пути!

Это было в апреле 1959 года. Группа комсомольских активистов ехала в Гай. С поезда пересели на служебный автобус и... тут ребята добрым словом вспомнили поезд. В нем хоть едешь медленно, но верно. А тут... Степные весенние дороги — сплошное месиво из глины и снега. Автобус застрял на городской окраине. Ребята вытащили лопаты, ломы, поднажали плечами — автобус прошел метров сто, но снова застрял. Опять вылезли комсомольцы... Так ехали все сорок километров. Ехали восемь часов. И все восемь часов секретарь наблюдал за Виктором: тот загнул полы шинели за ремень, не выпускал лопату из рук («сам!»). Крепкий, мускулистый, он первый подставлял плечо под кузов машины, привычно произносил короткое, емкое слово «вперед!»

«Да, такой не подведет, выдюжит!» — подумал тогда секретарь.

«КРЕЩЕНИЕ» СОСТОЯЛОСЬ

Наконец на девятом часу пути показался он, легендарный Гай. Машина прошла мимо жилых землянок и остановилась у столовой.

— Вот я и дома. Здравствуй, Гай! — старшина смахнул фуражку с головы.

Еще через полчаса он уже сидел напротив инспектора отдела кадров стройки комсомолки Тани Куманевой, и она повторяла полюбившуюся ей фразу:

— Так и запишем: согласен на любую работу. Так и запишем...

— Точно. На любую.

— А теперь устраивайтесь где-нибудь на ночлег. К восьми утра на работу.

Виктор вышел из конторы и задумался: «Куда пойти? Где его улица, где его дом? Нет их пока. Пойду напрямик». И через минуту ходьбы... провалился в яму с водой, вырытую кем-то еще с осени. Вылез мокрый, зуб на зуб не попадает. Вот досада!..

А мимо идут ребята, девушки — старожилы Гая. Смеются.

— «Крещение» состоялось. Теперь сразу видно — настоящий гайстроевец!..

— Чего зубы скалите, — огрызнулся Виктор, — человек в беду попал...

— Не сердись, старшина. Айда с нами, не пропадешь!

Пошел Виктор с ребятами. Привели его в теплую обжитую землянку, обогрели, напоили чаем, расспросили, кто и откуда. Узнали, что у парня единственные сапоги, да и те в дороге прохудились. Так дело не пойдет! Откуда-то появились резиновые сапоги с высокими голенищами, чистые сухие портянки... «Эге, — смекнул старшина, — дружно живут новоселы».

Многое понравилось новоиспеченному гайстроевцу. И степь бескрайняя, и размах стройки, и сами люди — жизнерадостные, бесполойные. Он тоже понравился людям: ладно скроенный, с умелой хваткой, жадный до работы. И когда на объединенном комсомольском собрании стройки было решено создать комсомольский штаб, то начальником штаба единогласно был избран старшина запаса Виктор Поляничко.

ПЕРВЫЕ ПОМОЩНИКИ

Штаб с первых дней стал душой стройки. Сюда приходили комсомольцы, словно в родной дом. Здесь решали боевые задачи гайской комсомолки, думали, как стать первыми помощниками коммунистов, быстрее построить горнообогатительный комбинат. Не в 1965 году, как это было намечено по плану семилетки, а уже в 1963 году комбинат должен давать медный и серный концентраты.

И вот Поляничко идет к парторгу стройки Николаю Ивановичу Конищеву: что сейчас самое главное, над чем комсомольцы могли бы взять шефство? И парторг ответил:

— Нам нужны хорошие тылы: построим нынче двадцать три тысячи квадратных метров жилья, переселим рабочих из землянок и палаток в благоустроенные дома — значит, смело пойдем в наступление, будем форсировать строительство комбината.

Этот разговор происходил в начале мая. И с тех пор не было такого дня, чтобы штаб не занимался жильем. Плохо, с перебоями работал растворо-бетонный узел, многие бригады простаивали из-за нехватки бетона. Вик-

тор шел к рабочим. Сам осматривал все машины, узнавал промахи и ошибки коллектива. Он помог составить новый график работы узла — и дело сдвинулось с места.

Застопорилась работа и у строителей линии электропередачи: орские металлисты задерживали конструкции. А энергия нужна Гаю, как воздух. Виктор дал задание одному из членов штаба съездить в Орск и поднять комсомольцев на выполнение гайского заказа в нерабочее время.

Линия была проложена раньше правительственного срока.

ИМЕНИ ИЛЬИЧА

Много славных дел на счету у гайстроевцев. И одно из них — закладка парка культуры и отдыха имени Ленина. Давно мечтал Поляничко об этом парке.

— Вот бы завести традицию, — делился он своими мыслями с секретарем обкома ВЛКСМ, — чтобы каждая бригада в честь дня рождения Ильича высаживала новые деревья в новом парке. Нынче восемьдесят девять штук, на будущий год — девяносто и так далее... Какой бы парк раскинулся в Гае! Ведь Гай по-украински — роща молодая!..

Он так и сделал, этот мечтатель, новый молодой хозяин жизни. Весной 1959 года все бригады высадили по восемьдесят девять саженцев, а в итоге получилось около пяти тысяч деревцев! Парк был разбит вокруг палаточного городка, где временно жили строители.

Начальника штаба трудно застать в помещении. Он всегда на переднем крае, в гуще стройки. Не услышишь, чтобы он обратился к комсомольцу с вопросом: «Скажи, ты из какой бригады, как твоя фамилия?». Виктор знаком со всем тысячным коллективом строителей, знает сотни людей по имени, отчеству. Многим помог устроиться по специальности, посоветовал поступить в вечернюю школу, заочный техникум. И комсомольцы платят ему признательностью. Еще ни одна свадьба в Гае не проходила без его участия: нет, не почетным гостем он присутствует на них, а тамадой, главным распорядителем! А свадеб здесь, в молодежном городке, бывает больше, чем, пожалуй, в соседнем многотысячном Орске..

Но вот однажды пришел к Виктору начальник комплекса и горько пошутил:

— Не будет больше свадеб у нас: некуда вселять стало молодоженов, строительство жилья под угрозой срыва...

— Да в чем дело? — заволновался Поляничко. — Бригады стараются...

— Самая малость, ерунда, нет гвоздей! Звоню в совнархоз, шлю телеграммы, — бесполезно.

— Вот тебе раз! Как же мы будем без жилья? Надо что-то предпринимать... — Виктор задумался. В его карих глазах заиграли хитрые лучики: «Телеграммы, говорите, шлете, а совнархоз не отвечает? Ну, ну...»

«ГВОЗДЬ» О ГВОЗДЯХ

Вечером пришло приглашение на пленум обкома КПСС. Виктору разрешили выехать днем раньше. Почти пять часов он просидел в кабинетах многих начальников отделов Оренбургского совнархоза. Нет, они не отказывали в гвоздях, боже упаси обидеть грандиозную стройку! Но... и гвоздей не давали! Терпение Виктора лопнуло. Он зашел в обком ВЛКСМ, раздобыл большой лист бумаги, краски, и через полчаса на дверях кабинета председателя Оренбургского совнархоза висела «молния». Она называлась «Гвоздь»: «Товарищ председатель совнархоза! — говорилось в «молнии». — По вашей вине и по вине сотрудников отдела (имярек) срывается строительство жилья на Гае. Нам нужны гвозди — самые обыкновенные гвозди. Как можно больше, как можно быстрее. «Гвоздь» вывешен комсомольским штабом стройки и будет здесь висеть до тех пор, пока совнархоз не выделит необходимые фонды. Комсомольский штаб Гайстроя».

Вышел в коридор председатель совнархоза и ахнул: перед его кабинетом толпа людей. Читают, улыбаются. Прочитал «Гвоздь» и он. Через пять минут началось экстренное совещание... о гвоздях для Гая!

Наутро в перерыве между заседаниями пленума обкома КПСС председатель совнархоза отыскал Поляничко, сказал ему:

— Виктор Петрович! Сними, пожалуйста, свой «Гвоздь»... Нашли мы для вас пять тонн гвоздей, будь они неладны... А виновников наказали.

«ДАЕШЬ КИРПИЧ!»

Так рождался авторитет комсомольского штаба. Так приходил успех в работе. Теперь только стоит штабу объявить поход, бросить клич — поднимается на любое дело вся гайская комсомолка.

Случилось так: наступили перебои в доставке кирпича с заводов города Медногорска, что расположен за добрую сотню километров от Гая. Что делать? Сидеть сложа руки и ждать, когда придет кирпич, — это не в характере гайстроевцев. Штаб поднимает молодежь в поход за кирпичом. Комсомольская колонна в составе пятидесяти трех машин отправляется после работы в субботу за материалом. На передней машине транспарант: «Даешь кирпич!». На других — лозунги: «Гаю нужен кирпич!», «Дадим кирпич Гаю!».

Медногорск встретил добровольцев проливным дождем. Одежда сразу же промокла. Но вот началась погрузка машин. Она идет с шутками, веселым смехом. А дождь не унимается... Но ребята сняли с себя рубахи — лей сильнее, нам не страшно!

И когда закончилась погрузка последней машины, — а была уже полночь, — пришло известие: на подходе еще колонна автомашин. Усталость ломила тело, но комсомольцы нашли в себе силы. Семьдесят тысяч штук кирпича увезли в Гай в ту памятную субботу.

И подобных субботников было не мало. Молодежь перевезла во внерабочее время около миллиона штук кирпича, из которого были построены десятки восьмиквартирных домов.

ДЕНЬ НАЧИНАЕТСЯ...

Рабочий Гай прошлым летом просыпался рано. Уже в шесть часов откидывались пологи брезентовых палаток, начинали бренчать умывальники. Возле одной из палаток можно было всегда в тот ранний час встретить высокого загорелого парня. Он по старой армейской привычке сделает утреннюю физзарядку, обольется холодной водой из-под крана, а потом натянёт на свое мускулистое тело выцветшую под ярким солнцем Гая солдатскую гимнастерку. Это и есть начальник комсомольского штаба.

Короткий завтрак, и Виктор в штабе. «Что там у нас

на сегодня? Бригада Петра Калганова просит помощи в организации труда... У Нины Пономаревой сегодня комсомольское собрание, нужно присутствовать... В клубе репетиция хорового кружка... Надо провести встречу с новичками строителями...» Дел много. Рабочий день только начинается.

Уже проснулся палаточный городок. Чистый девичий голос запекает полюбившуюся здесь и на свой лад переделанную песню:

На работу славную,
На дела хорошие
Вышел в степи гайские
Парень молодой...

Виктор всегда рад этой песне. С ней хорошо начинать новый трудовой день.

ПУТЯМИ НЕПРОТОРЕННЫМИ

ДЕНЬ В КОМСОМОЛЬСКОМ ШТАБЕ

Широка стройплощадка гиганта металлургии — прокатного стана «2800». Да и сам он не махонький: в длину размахнулся на добрый километр, а взглянешь на его стеклянный «фонарь» — шапка валится с головы... Рядом же с ним кажутся нелепостью, ну просто пережитком, вчерашним днем, деревянные, наспех сколоченные теплушки, бытовки, конторки. Избушки на курьих ножках — да и только! Среди них — одна, что нас интересует.

— Эй, товарищ! Как добраться до комсомольского штаба?

Молодой электросварщик близоруко щурится — оторвали от работы:

— Шагайте по улице Прокатной до столба с репродуктором. Это будет площадь Максименко. Там и штаб.

«Улица Прокатная», «площадь Максименко»... Так и срывается с языка: смеешься, парень! Стройплощадка — не город! Но, вспомнив о строителе, который и на выдумку торазд, и на веселую шутку способен, прощаешь ему и «улицу Прокатную» среди хибарок-временок, и «площадь Максименко», названную так, очевидно, в честь самого популярного и уважаемого на стройке человека.

Володя Максименко — это начальник комсомольского штаба. Рослый, плечистый, с умными светлыми глазами и мягкой, можно сказать, девичьей улыбкой на губах. Он хорошо известен не только в Оренбуржье. В Ново-Троицк едут десятки делегаций. Едут отовсюду, даже из Чехо-

словакии и Болгарии. Едут за одним: опытом работы комсомольского штаба. Володя хороший организатор и душа-человек. Прокатный стан не первая его стройка. За участие в строительстве комсомольской домны на Орско-Халиловском комбинате правительство наградило его орденом Трудового Красного Знамени.

— Говорят, у нас получается, — улыбается Володя, — но ведь и жизнь не стоит на месте. Стан — пограндиознее домны. Каждый день стройка задает тебе столько новых вопросов, что сам хочешь с кем-нибудь посоветоваться. До сих пор, кажется, что все еще идешь путями непроторенными!

Пути непроторенные... Какие они?

...Часы показывали пять минут девятого. Начинался обыкновенный трудовой день. И начинался с доброй телефонной весточки контрольного поста, организованного на станции Ново-Троицк:

— Прибыло оборудование из Чебоксар! Даем зеленую улицу! Встречайте!

— Есть встречать! — коротко бросил Володя.

А в штабе становитсялюдно. Пришли комсомольские активисты Валентин Щербаков, Николай Леонтьев, Марк Драч, радист Михаил Кашкаров и другие. Обсуждается очередной номер ежедневной радиогазеты. Вчера шофер автокрана 21-85 был навеселе, сам плохо трудился и другим мешал. Нужно вынести на суд строителей этот позорный поступок — пусть парню стыдно будет!

У Валентина Щербакова предложение:

— Написать бы стихи на больших щитах. Бодрые строки. И расставить щиты на площадке...

— Правильно, Валя. Покажи стихи, — просит начальник штаба.

— А почему ты думаешь, что они у меня есть?

— Не хитри, по глазам вижу, — Володя знает своего помощника.

Валентин разворачивает тетрадку...

Хлопает и хлопает дверь. Входят в штаб и молодые, и пожилые люди. У них дела, просьбы. Всех надо выслушать, всем помочь.

С чем только не приходят в штаб! Прораб Терентий Иванович Кравченко, например, ищет управу на соседей-бетонщиков, которые работать мешают, загородили все ходы-выходы, прямо-таки «единоличники, да и только!»

— Ну, а мы-то при чем, — сорвалось с языка у кого-то из штабистов, — не поладили два участка — идите на арбитраж к начальнику комплекса, он разберется...

— Я где работаю! — моментально вскипел Терентий Иванович. — Я на ударной комсомольской тружусь! И я пришел в штаб, понимаете, в штаб!

Обычно в такие минуты на душе у Максименко теплело. Ведь все прекрасно знают, что с подобными вопросами нужно обращаться к руководству комплекса, а поди ты, идут к комсомольцам. Хорошо это или плохо? Хорошо, потому что говорит об авторитете комсомола на стройке. Но в каком затруднении находится Володя... Как сделать, чтобы и помощь оказать и не подменить руководство?

Сегодня он поступает так: просит члена штаба Анатолия Сухоносенко разобраться. Терентий Иванович удовлетворен: ему помог штаб. А фактически Анатолий действовал от имени руководства, потому что является инженером комплекса.

А вот и новые посетители. В штаб вошла комиссия медиков во главе с заведующим горздравотделом. Комиссия принимала новое помещение медпункта. Но как покрашены стены! Колер явно не тот, все-таки медицинское учреждение, нужно бы посветлее.

Тут уж не выдержал сам Максименко:

— Пойдите, товарищи, что вы хотите от нас?

— Как что? Нам рассказывали, что вы — сама справедливость на стройке, и стоит только представителю комсомольского штаба войти в нашу комиссию, как...

В эту минуту в штаб заглянули заместитель секретаря парткома тов. Шур и заместитель начальника комплекса тов. Якубович. Медики так и пожирали глазами Максименко: такой удобный случай... И Володе ничего не оставалось делать. Он словно всю жизнь свою только тем и занимался, что состоял в медицинских комиссиях. Сумел-таки убедить и Шура и Якубовича, что действительно обидели медицину... Колер нужен светлее, цвета ясного неба...

Но вот в штабе стало тревожно. Член контрольного поста механик Виктор Филатов сообщил, что на ремонтно-механическом заводе бесполезно лежат электрокомпрессоры. Починить их — пара пустяков, но директор раскусил по-своему: пусть полежат, есть заказы поважнее...

— А что может быть важнее, чем заказы стана! — горячился Виктор. — Ведь промстроевцам приходится вручную бетонировать, сколько ж времени зря уходит!

Сообща решили выпустить «молнию». На этот раз называли ее «Тревога». Через час она висела на дверях кабинета. Скажем прямо, ничего чересчур едкого и злого в ней не было. Но как огня бояться подобных «тревог», «шприцев», «ликбезов» и т. п. руководители предприятий Ново-Троицка. Получить сигнал комсомольского штаба — это чрезвычайное происшествие. Надо отвечать не только штабу, но и горькому КПСС... Вот почему спустя некоторое время в штаб позвонил сам директор и клятвенно пообещал подтянуться...

А в штаб — новая жалоба. Звонят девушки из «Жилстроя-2». Их перевели на прокат с другого объекта. На старом месте не выдали теплую одежду и на новом тоже не выдают. Получается, согласно поговорке: «Иван кивает на Петра»... «А морозы на дворе крепчают», — слышится обиженный девичий голосок.

— Хорошо, я разберусь, — коротко пообещал Максименко.

Золотое правило у комсомольского вожака: не откладывать дела в долгий ящик. Пообещал, значит нужно выполнять. И вот Володя связывается с заместителем управляющего трестом. Разговор — чуть более пяти минут. Нет, Володя не требует. Коротко рассказывает о положении дел на стройке, называет имена отличившихся. Среди них почему-то мелькают все девичьи фамилии с «Жилстроя-2». И дело поворачивается так, что заместитель управляющего соглашается, что девчатам, да еще таким замечательным, работать на морозе без теплой одежды никуда не годится... Тут же следует команда: выделить тридцать пар валенок и теплые ватные брюки.

В штабе стало тихо. Ушли ребята на площадку, задержался только один Николай Леонтьев, секретарь комитета ВЛКСМ «Промстроя-2». Он ставил на учет вновь прибывшую комсомолку. Исполнил все формальности и распрощался с ней. Это не ускользнуло от Максименко.

— Вот что, Коля, — сказал он ему, — слушал я сейчас и диву давался: как ты мог так сухо, казенно встретить человека? Неужели тебе не интересно узнать: откуда дивчина и почему приехала? Где устроилась? Как ей живется? Что думает делать дальше? А может, она крыши над

головой не имеет! Куска хлеба у нее нет! Мы бы помогли. А может, она чудесная певица или спортсменка что надо! Так ты бы ее на заметку. Нет, Коля, говорить с людьми надо, душу им тормозить надо, чтобы они к тебе снова приходили, чтобы друга в тебе видели. Понял?

— Понял, Володя. Я как-то не задумывался над этим.

— Ну то-то, дружище. А то: «До свидания, до комсомольского собрания!» Нельзя так.

Близится обед. К тому же прекратились звонки, меньше людей стало в штабе. Пора заниматься и своими делами. Володя молодой инженер, на его совести — вся техника безопасности. И чтобы верхолазы не занимались лихачеством, и чтобы подземные коммуникации были вовремя закрыты... Да-мало ли дел у него. Максименко идет на площадку, беседует с рабочими. И после обеда он снова на площадке. Любит ходить по будущему стану, про себя отмечать, как быстро он растет, обретает свои формы. К Володиной фигуре здесь привыкли. И само собой получилось, что меньше в нем видят блюстителя безопасности, а больше — комсомольского вожака. Едва он появляется на участке, ему уже кричат:

— Привет, старина! Иди поближе, подивись на нашу работу!

Так обычно кричит бригадир трубокладов Иван Олейник. «Иди поближе» — это означает: забирайся на пятидесятиметровую высоту по внутренним кольцам дымогарных труб. И Володя поднимается, шутит, беседует с трубокладчиками.

Бригадир монтажников Виктор Перлин — человек молчаливый. Он просто пожмет руку и скажет:

— Ну и героев ты мне прислал, Володька! С такими черта лешего сломаешь, не то что стан построишь. Отметь-ка по радио вот этих... — и бригадир называет фамилии.

Но вот небольшой обход окончен. Пора снова в штаб. На четыре часа назначено заседание, прием в комсомол. Это по его инициативе прием в комсомол и вручение билетов стали делать прямо на стройке.

— Так торжественнее! — говорит Максименко.

Перед членами штаба стоит семнадцатилетняя Валя Твердохлебова. Активная общественница, учится в десятом классе вечерней школы. Многие из членов штаба знают ее. Потому не так уж много вопросов. Мнение единое:

принять. Володя крепко пожимает руку новому члену комсомола и говорит:

— Запомни, Валя, на всю жизнь запомни, что твоя комсомольская биография началась на ударной стройке. Не подведи своих товарищей. Вон они какое дивное диво творят! — Володя показывает на красавец стан. Он находится так близко от штаба, что, кажется, протяни руку — дотронуться можно.

Так напутствовал начальник штаба добрую половину комсомольцев прокатного стана, много у него «крестников» на стройке.

Небольшая комната комсомольского штаба наполняется шутками, веселым смехом. Радостное волнение уже не покидало ее до конца рабочего дня. Пришел начальник орс комбината, принес хорошие новости. Из Министерства торговли РСФСР пришло письмо: министр удовлетворил просьбу комсомольского штаба и выделил для продажи молодым прокатостроителям три «Москвича», десять пианино, пятьдесят холодильников, сто стиральных машин, пятьдесят мотоциклов, много мебели, швейных машин...

Пулей влетел сияющий крановщик Николай Кисенко, член штаба. Он рабкор местной газеты «Гвардеец труда». Только что бригада Алексея Попова на три дня раньше срока закончила закрытие цеха. Победа! Об этом нужно сообщить в редакцию!

Пришел с добрыми вестями и главный инженер «Жил-строя-2» тов. Хонда. Управление тоже выполнило свое задание, нужно отметить ряд комсомольцев строителей. Заодно он благодарит Максименко за теплую одежду для девочек.

— Заглянули на огонек! — с такими словами вошли в штаб Мария Суворова и Людмила Марковская. Обе из городского отделения связи. У них тоже хорошие вести: Мария продала сегодня прокатостроителям много газет и журналов, Людмила приняла от них «кучу» телеграмм...

— Видите, девчата, а ваше начальство было против просьбы штаба оборудовать на стройке небольшой филиал связи, — Володя мягко улыбнулся.

— Да оно и сейчас, — вмиг погрустнели девушки, — маловато газет и литературы нам отпускает. А ребята ваши жадные! Им только подавай книгу...

— Они у нас такие! — Сам того не замечая, Володя машинально потянулся рукой к стопке книжек, что лежала на окне.

...Над землей загорается вечерняя заря. Яркие блики солнца заглядывают в штаб. Володя с тревогой смотрит на заходящее светило, видит огромный радужный венец вокруг него и определяет:

— Завтра снова будет сильный мороз. И все-таки завтра снова строителям будет жарко. Остаются считанные дни до завершения строительства стана.

Стройный, крепко сложенный, он любовался будущим гигантом металлургии и чему-то про себя улыбался.

Нет на земле такого строителя, который бы не радовался своему творению. В него вложил он свой талант, свою любовь, свои силы. Потому и улыбался, глядя на стан, начальник комсомольского штаба Владимир Максименко — солдат нашей великой мирной армии, армии созидателей.

КОГДА В ТОВАРИЩАХ СОГЛАСЬЕ ЕСТЬ

Вера Ильминская, лаборантка, зашла в красный уголок и недоуменно развела руками:

— Тоже мне комната отдыха называется! Хоть шаром покати... Странно!

Девушку только что избрали в комитет ВЛКСМ и поручили организацию культурно-массовой работы.

— А чего тут странного, — сказал проходивший мимо пожилой рабочий. — Сирота он, этот самый уголок. Хозяина настоящего не имеет. Эх, мне бы свалить с плеч эдак годиков двадцать! Показал бы, какой была ленинская комната у первых комсомольцев...

Эти слова задели Веру за живое. В самом деле, для кого он, красный уголок? В первую очередь для молодежи. Тогда кто же должен заботливо оформить комнату, побеспокоиться о том, чтобы здесь было не скучно? Сама молодежь. Но как? Опять идти к профоргу, начальнику цеха и кланчить пятирублевые шашки... А тем, конечно, давным-давно надоели просьбы. «На вас не напасешься. Год назад отвалили кучу денег на инвентарь, а где он?» — будет шуметь профорг. Они, пожалуй, правы. Было дело, понакупили игр и... потеряли их. Сказку про белого бычка можно снова начинать. Нет, тут надо что-то придумать...

— Саша, когда намечается воскресник? — спросила она секретаря цехового комитета ВЛКСМ Александра Елистратова. И, не ожидая ответа, добавила: — Давай вырученные от продажи металлолома деньги пустим на оборудование уголка?

Идея понравилась не только Саше. Было создано заседание комитета ВЛКСМ. Не спорили, а мечтали:

— Купим китайский бильярд, а? Интересная штука!

— Да на кой бес он тебе? Это маленькому впору, а ты вон какой дядя вымахал! Тебе бы стоять возле волейбольной сетки!

— Нет, а «козла» забить в обед — милое дело! Я за домино.

Саша Елистратов еле-еле остановил размечтавшихся ребят. Мол, рановато делить шкуру еще не убитого медведя. Поработать надо сначала.

Добрая половина комсомольцев цеха пришла на воскресник. Остальные не смогли: коксохимический цех Орско-Халиловского металлургического комбината — цех непрерывного производства. С ломami и кирками в руках славно трудились ребята и девчата. За день собрали и отвезли на приемный пункт «Вторчермета» несколько десятков тонн драгоценного сырья. Через пяток дней раздался телефонный звонок:

— Приезжайте за деньгами.

Пришлось срочно собирать комитет и решать, что купить. На этот раз не мечтали, а спорили. В конце концов пошли на компромисс: удовлетворить понемногу все заинтересованные стороны. В красном уголке появились свои собственные настольные игры и бильярд. На хранение до весны Вере Ильминской были переданы волейбольная сетка и мяч. На стенах очага культуры были развешаны портреты, картины. На столах появились книги.

Уютнее стало в красном уголке, веселее. И в обеденный перерыв, и за полчаса до смены забегали сюда комсомольцы. Общим любимцем стал китайский бильярд.

Инвентарь, заработанный на свои средства, — это как-то определило другое, рачительное к нему отношение. По душе пришлось комсомольцам шефство над комнатой отдыха. Но не было предела их мечтаниям:

— Эх, друзья! Вот бы на форму нам сообща заработать! — разоткровенничался однажды нормировщик Гена Федорченко, член цеховой футбольной команды «Коксохимик».

— Правильно, — поддержали его товарищи по команде.

— Вполне осуществимо, — загорелся Саша, — если устроить еще один воскресник да поработать вечеров-

другой на разгрузке железнодорожных вагонов, — вот и финансы! Когда в товарищах согласие есть, чего не сделаешь!

Два свободных вечера отдали молодые коксохимики общему делу. И у цеховых спортсменов появились новенькие бутсы и майки, а в красном уголке был торжественно установлен настоящий большой бильярд!

Красный уголок становился излюбленным местом отдыха молодежи. Здесь проходили занятия политшколы, собирались кружковцы на спевки, репетиции, сюда перенесла всю свою работу Вера Ильминская — «заведующая по культурной части», как шутливо называют ее комсомолцы.

Часто бывает так. Инициатива, родившаяся в группе людей, становится достоянием коллектива, она волнует умы и сердца многих, заставляет их думать, мечтать, стремиться к цели. Занявшись оборудованием красного уголка, превратив его в свой штаб по организации культурного отдыха, комсомолцы совсем не думали останавливаться на полпути. Они как-то реальнее ощутили, что сами являются хозяевами своего отдыха, что пора отрешиться от мысли, что кто-то, словно по мановению волшебной палочки, скрасит их вечера, оживит спортивную работу. Ведь их производство молодое, растущее. Много средств государство вложило, чтобы на голом месте в степи вырос красавец комбинат, который до сих пор продолжает строиться, расширяться. Со временем, разумеется, будет все: Дворец культуры, институт, а пока...

— Чего-то нам все-таки не хватает! — нет-нет да и скажут ребята.

— Баяна! — подхватил токарь Петя Ткаченко и зажмурился. — Вот бы я вам поиграл сейчас за милую душу. Чего прикажете, «Амурские волны» или «Подмосковные вечера»? Пожалуйста! — и Петя «растянул» незримые меха любимого инструмента.

— Баян что — забава! — прервал его размышления Геннадий Федорченко. — Нам бы свой киноаппарат. В перерыв новый киножурнальчик или мультипликацию какую посмотреть. Кругозор надо расширять, ясно?

Вновь комитет поднимает молодежь на заготовку лома, разгрузку вагонов и другие аккордные работы. В красном уголке появляется новенький ушкопленочный

киноаппарат и сверкающий перламутром баян «Полтава». Пожарники потребовали выстроить кинобудку — через неделю она была готова.

Тут уж не выдержало сердце начальника цеха. Раньше он недоверчиво смотрел на все эти приобретения. Но, поняв, что комсомольцы серьезно взялись за организацию досуга, привлекли молодежь к художественной самодеятельности, спорту и физкультуре, был очень горд за них. И когда коксохимический цех завоевал первое место в социалистическом соревновании и получил денежную премию, начальник настоял, чтобы выдали комсомольцам на приобретение культинвентаря шестнадцать тысяч рублей.

— Целое состояние! — восхищались члены комитета ВЛКСМ. — Куда ж мы его употребим? Чего у нас еще нет?

— Духового оркестра!

— Будет духовой оркестр!

Геня Федорченко прослышал о том, что где-то в Ново-Орском районе пылится на полках магазина новенький комплект духового оркестра. И вот он бежит к начальнику цеха, просит его снарядить машину за покупкой. А за капельмейстером дело не стало. Леша Липустин, двадцатипятилетний слесарь, согласился преподавать своим товарищам нотную грамоту.

...Недавно нам снова довелось побывать на комбинате. Встретились с Сашей Елистратовым.

— Как дела, Саша?

— Нормально! Заходите в цех, сами убедитесь.

Мы воспользовались его приглашением. Саша вел нас по асфальтированной дорожке, рассказывал:

— Тут был пустырь, а теперь сад. Наш, комсомольский! Всем цехом выходили на закладку. Посадили сто пятьдесят яблонек и сто пятьдесят саженцев карагача. Весной добавим еще пятьсот деревцев, уже лунки заготовлены...

По-прежнему красный уголок цеха находится в центре внимания комсомольцев. Купили еще приемник «Октава», магнитофон «Днепр». Организовали выпуск световой газеты. Неплохо работают кружковцы. Духовой оркестр лучший на комбинате.

Отличились и спортсмены. Футболисты завоевали заводское первенство, есть успехи у волейболистов...

Саша немного замялся:

— Одно дело мы пока не довели до конца. Может, не стоит и показывать?

Оказывается, тесен стал для комсомольцев красный уголок. Надумали расширить своими руками, в нерабочее время. Создали строительную бригаду. Сейчас уже возведена крыша, идет монтаж отопительной системы. Скоро откроется клуб, зрительный зал там будет на двести пятьдесят мест.

— Но это еще не все,— торопится досказать Саша,— хотим помочь администрации цеха построить детский садик на семьдесят человек. Опыт у нас есть. Желающих участвовать в строительстве хоть отбавляй. И вообще, когда в товарищах согласие есть, чего не сделаешь!

СЧАСТЬЕ

Семейное счастье... Какое оно бывает? Уж не в том ли оно, что в доме молодоженов поселился достаток, муж и жена живут в мире и согласии, соседи ими не нахвалятся, а на работе супругов ценят и уважают?

Разговор о семейном счастье как-то сам собой зашел в комсомольском штабе на строительстве стана «2800» и продолжался в автобусе, когда мы добирались до города. Много было высказано противоречивых взглядов, каждый горячо и убежденно отстаивал свое мнение.

Молчал только двадцатилетний плотник Николай Фролов. Но когда автобус остановился, он неожиданно предложил:

— Зайдемте ко мне...

Сказав это, наш попутчик немного смутился.

Супруги Фроловы живут в красивом четырехэтажном доме на улице Ленина, в молодом Ново-Троицке — городе металлургов и строителей. У них благоустроенная квартира из трех комнат с кухней и ванной. Когда мы чуточку замешкались в прихожей, из полуоткрытой двери, что вела, очевидно, в спальню, донесся радостный детский смех. Кто-то звонко хлопал в ладоши, кто-то протянул жалобное «ма-а-ма!»

Все стало ясно. И как бы подтверждая нашу догадку, Николай распахнул двери в шумную детскую...

На полу небольшой комнатки играли три девочки. Какая неожиданность! Как похожи друг на друга: темные волосы зачесаны на пробор, у всех трех курносые

носики, а главное — один и тот же взгляд крупных, небесного цвета глаз! Кроме того, девочки одеты в одинаковые платица... Как только их различают родители?

Мы стояли немного растерянные. А Николай широко улыбался:

— Прошу любить и жаловать: наше счастье — Вера, Надежда, Любовь!

Увидав «чужих», близнецы чуть было не задали громкого реву. Но подоспело «подкрепление» — бабушка Мария Никитична и мама Валя. Где-то за стеной закашлялся дедушка Гавриил Степанович, а из соседней комнаты высыпали шустрые «дяди» — шестиклассник Саша и первоклассник Слава. Численное превосходство родных лиц было обеспечено — девочки расхвачаны по рукам. Теперь можно успокоиться и даже проявлять любопытство: сначала чуть повернуть головку, потом открыть один глазок, потом...

— Ну, здравствуйте, девочки! Как вам живется-можетс?

...В дружную семью простых советских строителей малышки пришли 25 ноября 1957 года. Пришли, заявили о своем существовании звонкими «уа» — и с тех пор прибавилось хлопот у молчаливого плотника Николая Фролова и у стройной черноволосой крановщицы Валентины Соловьевой, которые год тому назад навсегда соединили свои жизни. Девочки родились слабыми, особенно Вера. Почти месяц ее дыхание поддерживали при помощи кислородной подушки... Неважно чувствовала себя и сама мать.

Фроловых окружили друзья по работе. Профсоюзная организация «Доменстроя» безвозмездно выделила им денежную помощь. Государство обеспечило единовременным пособием. К близнецам была прикреплена патронажная сестра из детской консультации. А главное — молодоженам предоставили просторное и благоустроенное жилье. Из Куйбышева приехали мать и отец Валентины, которые были так необходимы в эту минуту...

Девочки уже перестали ползать, одна за другой вставали на ноги. Родители их тоже «росли». Маме, активной комсомолке, на производстве присвоили очередной разряд. Николай в коллективе считается вторым, после бригадира Виктора Ефремова, человеком. А бригада немаленькая: тридцать пять плотников, арматурщиков и бетонщиков. В прошлом году она решила бороться за

почетное право называть себя бригадой коммунистического труда. Много пришло в нее новичков, и Николай взял шефство над пятерыми из них. Когда в городе стали создаваться народные дружины, он одним из первых подал заявление. А совсем недавно коммунисты «Доменстроя» оказали комсомольцу высокое доверие: приняли кандидатом в члены КПСС.

Молодые супруги не оторваны от труда, кипучей общественной жизни. В этом большая заслуга и бабушки Марии Никитичны, неувядающей, еще бодрой женщины. Она нянчит близнецов.

Спрашиваем ее, как это Вы, Мария Никитична, управляетесь с ними? Как только умудряетесь их, одинаковых, различать?

— Ой, и не говорите! Люблю детей. Своих четверых вырастила. Теперь вот пекусь о дочкиных! — воскликнула бабушка и продолжала: — Вы говорите, что они одинаковые. А я говорю — нет. Приглядитесь к ним: походка разная, смеются тоже каждая по-своему, голоса неодинаковые. А уж про характер и не спрашивайте! У каждой свой. Надю мы прозвали «интеллигенткой». Когда смеется, губки складывает бантиком. Больше всех разговаривает, а главное, любит книжки «читать». Вера хужее всех, а такая шу-у-страя! Сестренка потихоньку поколачивает. За это мы ее прозвали «забиякой». А Люба — настоящая домохозяйка. Ей бы все играть «в кукарки», нам помогать, быть около взрослых...

— Вот они какие у нас, близнецы! — не без гордости заключила свой рассказ Мария Никитична.

...Мы простились с дружной и большой семьей Валентины и Николая Фроловых. На улице вспомнили недавний спор о семейном счастье. Хорошо поступил Николай, что пригласил спорящих к себе в дом: они воочию увидели настоящее семейное счастье.

СНОВА В СТРОЮ

Знакомство с Иваном Уваровым, молодым рабочим из Ново-Троицка, произошло при нескольких неожиданных обстоятельствах.

Шел март. На стане «2800» наступили горячие предпусковые дни. Коллектив прокатостроителей стал на ленинскую вахту, стремился дать оренбургский прокат досрочно. Мы с Володией Максименко, уже известным читателю вожаком молодежи, возвращались из бригады Ивана Олейника. Ребята только что закончили футеровку нагревательной печи, и стан начал «дышать». Из двух высоких дымогарных труб повалил густой дым... Это была победа.

Рядом с олейниковцами работали монтажники и электросварщики из другого участка. Я невольно обратил внимание на одного из них, коренастого, светловолосого парня. На нем нельзя не остановить взгляд: левый рукав телогрейки был пуст и заправлен в карман. В правой руке он держал горелку. Электросварщик без руки! Разве это возможно?!

— Володя, кто это?

— Наш комсомолец, Ваня Уваров, — спокойно ответил Максименко. — А что так удивляетесь?

Я стал наблюдать за безруким строителем стана. А Иван Уваров между тем приступил к работе. Он сдвинул со лба синие очки и, низко опустившись на корточки, склонился над широким металлическим листом. Раздалось мерное шипение работающей горелки, голубые сполохи огня освещали человека. Иван трудился с каким-то

дерзким упоением, с твердой и неумолимой настойчивостью. Острая струя пламени плавил металл, прошивала лист насквозь. Иван словно замер у листа, прирос к нему. На его побледневших щеках горел яркий румянец, на лбу был виден крупный бисер пота. Человек работал с напряжением.

— Действительно не знаете Уварова? — удивленно спросил начальник штаба. — Это бескорыстный человек! Судьба, правда, у него тяжелая. Горя хлебнул в жизни. По кривым дорожкам походил. Хотите расскажу?

...Было это еще в ранней юности. Познакомился Иван с одним человеком, на пять лет старше его. Петр Гореликов — видный, статный парень. Любил пофорсить модными галстуками, узконосыми лакированными штиблетами. К тому же новый знакомый казался самым независимым человеком на свете! Он кого угодно умел «отбрить» словами, сорил деньгами налево-направо, девчонок баловал конфетами, не забывал и его, своего младшего друга. Все это пришлось по душе неопытному мальчонке, и потянулся он к Петьке. Что тот ни скажет, Ванюша разобьется, но сделает.

Повадился Петька ходить в дом Уваровых. Любил шикнуть. Придет — и на стол поллитра ставит! Отец Никанор Онуфриевич быстро раскусил, что за птица этот Петька, и дал ему отворот поворот. Сыну наказал, чтобы тот бросил водить дружбу с «шикарным» парнем. Но куда там! Ванюша и слышать не желает...

Спихватился он позже, когда попал в полную зависимость к Петьке и его друзьям. Позвали они его однажды «на дело». Не откажешься! Нужно быть мужчиной, платить за услугу услугой... Так объяснила компания.

Вот, оказывается, откуда у «шикарного» парня денежки. Он и его дружки — воры! Срывают пломбы с железнодорожных вагонов, расхищают государственное добро. А он, Иван, служит у них за грузчика... Позор!

Обида и страх полоснули сердце юноши. Нужно вырваться из этих пут. Но как?

А тут еще Петька со своей похвалой:

— Молодчина, пацан! Получишь куш исправно, дай только сбыть товаришко, — бормотал он противным шепотком, когда они везли украденное на санках к Петьке в дом.

— Не надо мне ничего... Не надо! — с ужасом отстранялся Иван.

Поздно. Юноша был в цепких руках. Но, к счастью, ненадолго. Очередное «дело» не прошло безнаказанно. Компания предстала перед судом, а потом очутилась за тюремной решеткой.

Наступили мучительные дни. Заключенные считали Ивана заправским вором: он был в компании Петьки Гореликова. Но Иван не желал такой чести. Он скучал по оставленной работе, по родным, по загубленной юности. Ему было мучительно стыдно смотреть в глаза людям. Хотелось только одного: скорей бы прошел срок наказания. Скорей бы только выйти на свободу и трудом, каким бы он ни был тяжелым, навсегда смыть с себя позорное пятно.

Петькина компания прекрасно понимала состояние «кореша». Гореликов постоянно ухаживал за ним, был подозрительно предупредителен. Но нашлись и другие люди, они глубоко заглянули в душу пареньку. Это были люди в синих фуражках. Они изолировали Ивана от дурного влияния. Иван попал в бригаду таких же, как и он, случайно связавших свою судьбу с преступным миром. Начал читать газеты, литературу, внимательно следить за событиями, происходившими в стране.

И вот он настал, день освобождения. Те люди сказали ему короткое слово, которое так мало любят в жизни: — Прощай, Иван!

Иван понял все и ответил тем же словом:

— Прощайте! Верьте: больше сюда не вернусь...

Но когда получал свои вещи, обнаружил записку. Сразу понял от кого: «Пацан! Держись нашего брата. Нужно будет, свистни. Поможем!» Кровь хлынула к вискам. В сердцах разорвал записку на мелкие клочки. Дудки! С него хватит.

Снова он в родном Орске. Коллектив предприятия принял его приветливо, парня окружили заботой. Когда он выполнял задания, товарищи хвалили, ставили в пример. Через полгода фотография Ивана Уварова появилась на Доске почета.... Человек снова находился в одном строю с тружениками.

Не мало заводских девчат заглядывались на молчаливого, работающего Ивана. Особенно одна — стройная станочница Нина.

Но в это время, когда казалось, что жизнь так хорошо начала налаживаться, нагрянула беда. Иван был не-

осторожен и упал с поезда... Как быть, как жить и работать без руки?

Вечером в палату пришли друзья по цеху. Принесли всякой всячины. А главное — пришла Нина. Застенчивая, молчаливая. Присела рядом первой и ушла последней...

На заводе стали беспокоиться о судьбе товарища, подыскивать ему легкую работу. Но Иван наотрез отказался. Как и прежде, он будет трудиться электросварщиком!

Разве мог он изменить своей любимой профессии? Раз испытав власть человека над металлом, узнав радость творческого труда, он уже не представлял себе, как это можно снять защитные очки, расстаться с аппаратом и не слышать больше характерного шипения буйного, все испепеляющего на своем пути бело-голубого пламени... Нет, нет!

В Ново-Троицк на строительство стана «2800» он уже приехал женатым человеком. И приехал после крупного скандала с друзьями. Они все-таки настояли, чтобы парня перевели на легкую работу — в канцелярию. И тогда Иван «взбунтовался»:

— Ах, вы не верите в мои силы, вы мне пророчите карьеру конторщика? Так знайте же: собираю свои вещи и уезжаю на ударную комсомольскую стройку!

На стройку Иван приехал вместе с одним товарищем. Того взяли монтажником, а его не берут никуда. Еле-еле устроился в механической мастерской. С жильем туговато: семейного человека поместили в общежитии.

На помощь Ивану пришли новые друзья — молодые прокатостроители. Случилось это так. Комсомольцы управления «Стальмонтаж» объявили воскресник по уборке рабочей площадки. Пришли многие, даже странный новичок, что работал в соседней мастерской. Глянул на него Володя Максименко и недоуменно пожал плечами:

— Человек из другого управления пришел на воскресник к соседям! Раньше такого не бывало...

После воскресника Владимир пригласил в штаб Уварова. Разговорились. Иван объяснил:

— Прохожу мимо. Гляжу, ребята работают. Так здорово работают, аж дух захватывает! Комсомольский воскресник у них. А я ведь тоже комсомолец! Вот он, билет мой... Перед отъездом получил!

Иван не без гордости показал обернутую в целлофан

бордовую книжечку с силуэтом родного Ильича. И в словах Ивана, в его широкой, открытой улыбке было столько теплоты, искренности... Разговор в тот вечер затянулся. Домой шли вместе, и Володя узнал все.

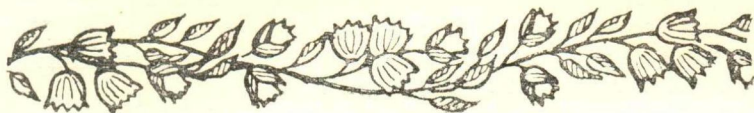
— Не горюй, Нина, — успокаивал Иван притихшую супругу. — Дай оглядеться, с людьми познакомиться. Говорят, они что надо. Отзывчивые, понимающие. Пропасть не дадут.

Уваров словно в воду смотрел: женатые новотройчане сами вот так же начинали — с общежития... А теперь живут в благоустроенных домах с ваннами, кухонными холодильниками, отличными гаражами во дворе. Юный город, которому от роду всего пятнадцать лет, продолжает строиться, хорошеть.

А через неделю состоялся второй, необычный воскресник. Комсомольцы выхлопотали у администрации необходимые материалы на строительство небольшого домика для семьи Уваровых. Они достали автомашину и за несколько рейсов перевезли на одну из окраин города бревна, доски, кирпич, известь...

Доброе получилось жилье!

ПЕСНЯ ПРО СНЕГ И ВЕТЕР

Когда хочется отблагодарить одного или, скажем, двух человек, дело кажется не таким уж сложным. Находятся самые теплые слова, даришь на память дорогой подарок, на всю жизнь уносишь в своем сердце образ хорошего друга... Но вот как и чем отблагодарить большой коллектив? Да и есть ли такая мера благодарности, чтобы каждый член этого коллектива почувствовал в ту минуту особенное, взволнованное биение твоего сердца, твою признательность!..

Тамара закрыла рукою повлажневшие глаза, откинулась на подушку и еще раз повторила про себя так взволновавшие ее слова: «Нет, я не отстала от подруг! Вместе с ними».

...Еще в трехлетнем возрасте Тамара Граненова перенесла полиомиелит. Болезнь дала тяжелое осложнение на правую ногу. Требовалась операция, и именно в девическом возрасте, когда организм сложится более определенно. Однако юность у Тамары началась трудно. Девочка потеряла родителей, вместе с братом и сестренками оказалась в детдоме. Там она закончила среднюю школу и в августе прошлого года была принята в специальное ремесленное училище № 6 гор. Оренбурга. Когда проходила медицинский осмотр, ей посоветовали обратиться к врачу-ортопеду. Тамара воспользовалась советом. И вот она на приеме у опытного специалиста — заведующего хирургическим отделением Кировской районной больницы Бориса Михайловича Дронова.

— Н-да, — проговорил, наконец, молчавший весь

осмотр врач-хирург. — Задала ты мне, коза, задачу. Ну, уж коли задала, давай решать ее вместе. Договорились?

Тамара молча кивнула головой.

— Только одно условие — терпение. После операции придется полежать в гипсе свыше полугода...

Терпение у нее найдется. Но как быть с учебой? Первый экзамен — теорию бухгалтерского учета — она сдала на «пять». По остальным предметам «четыре» и «пять». И вдруг пролежать в постели шесть месяцев! Неужели год учебы пройдет даром, осенью нужно будет все начинать сначала?

Эта мысль не давала покоя. Как поступить? С кем посоветоваться? Главное, близко никого нет, ни родных, ни близких...

Был у Тамары, как ей казалось, только один-единственный близкий человек в группе — русоголовая Валя Мамонтова. С первых дней учебы нашла с нею много общего: в мыслях, во вкусах, в привычках... Разве ей открыться?

Валентина, обычно спокойная, уравновешенная, тут вспыхнула:

— Чудачка ты, Тамара! Не знаешь меня, вот что! Была моей подругой и останешься. На всю жизнь!

— Спасибо, Валя, — румянец выступил на бледных щеках Тамары. На крупные серые глаза навернулись слезы.

— Пожалуйста! А впрочем, не за что еще благодарить. Когда в больницу-то?

Валентина отвела подругу в клинику. Словно старшая сестра, она всю дорогу давала наказы: будь мужественной, стойко переноси и боль, и разлуку, а главное, крепись, не показывай людям слез. Но первая же не выдержала! Как увидела подругу в больничном халате, задала звонкого реву...

— Ну-ну, Валечка, а сама уговаривала, — принялась утешать ее Тамара.

— Это я в последний раз. И тебе можно немного поплакать. А потом ни-ни.

Весть о том, что Тамара легла на длительное и сложное лечение, быстро облетела восьмую группу. Больше всех заволновались Тоня Дегтярева и комсорг группы Валя Костина.

— Нет, вы только подумайте: нас не предупредила!

Словно мы ей чужие! Словно у нее — горе, а у нас — праздник.

Когда Мамонтова вернулась в училище, девочки предъявили ей свой ультиматум:

— Будешь у нас за проводника. Веди в больницу!

— Да нас туда не пустят, — пыталась убедить девчат Валя.

— У окна постоим, — настаивала группа.

— Палата на втором этаже.

— А по нас хоть на пятом!

В этот вечер перед окнами палаты № 5 битый час толпилась большая группа девчат в черных форменках ремесленных училищ. Были здесь и горячие сорви-головы Валя Костина и Тоня Дегтярева, и тихоня Рая Явнова, и лучшие запевалы Тоня Кропотина, Люба Ефимова и другие.

Последние злые потуги уходящей зимы давали себя знать. Морозец кусался даже через шерстяные чулки, пробирался за воротник. Но девчата крепились, стойко выдерживали его натиск. Наконец через одну, на вид очень суровую, няню удалось передать Тамаре, что девочки здесь, что к ней пришли друзья. В окне со стуком распахнулась форточка.

— Держись, Тамара! Мы с тобой! — неслось с улицы.

— Угу, — раздалось на втором этаже.

— Томочка, милая, ведь это не страшно, правда?

— Пра-а... — ответила форточка.

— Мы тебя будем навещать. Конспекты принесем, гостинцев купим. Что-нибудь вкусненькое!

— Не на-а... — запротестовала Тамара. Она представила: «На что они купят гостинцев-то? Какие могут быть лишние деньги у подружек? Большинство из них, как и она, воспитанницы детских домов, сами подолгу откладывают деньги на интересную книгу, шелковый воротничок, новую ленту в косу...

— Книжку... почитать... принесите... — попросила форточка.

— Обязательно! Даже две! — раздалось внизу.

Впервые Тамара почувствовала, что она не одинока, что у нее есть настоящие подруги, и не одна, а все двадцать четыре! Горячий комок подкатил к горлу...

А внизу не унимались:

— Тамара! Хочешь, мы тебе песню споем? Любимую!

И, не дожидаясь ее согласия, девчата запели:

Пока я ходить умею,
Пока я глядеть умею,
Пока я дышать умею,
Я буду идти вперед!

И снег, и ветер,
И звезд ночной полет.
Меня мое сердце
В тревожную даль зовет.

Песня про снег и ветер, про дружбу человеческую звучала на больничном дворе. В окнах показались удивленные сестры и нянечки. Прохожие замедляли шаг: в чем дело? Но вскоре понимающая улыбка трогала их губы, и каждый шел своей дорогой, согретый теплом чужой дружбы.

На другой день в Тамариной палате появились книги, тетради, учебники, кулек с конфетами и печеньем, банка консервированных вишен. А под окном все так же «дежурила» неутомимая восьмая группа. Только вот Тамаре как увидеть подружек? Запретили открывать форточку: ее готовили к операции.

...Операция прошла успешно. Состояние больной быстро улучшалось. Но Тамара лежала в гипсе, не могла вставать и ходить. Она теперь очень грустила по своей группе, хотела кого-нибудь видеть. «Девушки, ой как я по вас соскучилась!» — написала она в записке.

Это был сигнал к действию. Едва наступила перемена, девчата приняли боевое решение: экстренно сочинить письмо на имя главного врача хирургического отделения. Неужели у него каменное сердце? Неужели он не допустит на свидание хотя бы одного живого представителя восьмой группы? Письмо сочинили сообща и внизу поставили свои подписи. Вот оно, это письмо, по форме немного похожее на заявление, а по сути... по сути очень трогательное:

«Уважаемый товарищ Дронов Борис Михайлович! Учащиеся группы № 8 убедительно просят Вас пропустить Мамонтову Валентину Константиновну к больной Граненовой Тамаре. Надеемся, что вы не откажете в нашей просьбе?»

Сердце у Бориса Михайловича оказалось отзывчивым. Он разрешил пятнадцатиминутное посещение. Но разве уйдешь быстро от подружки! Сколько разговоров,

новостей, приветов. Незаметно пролетел час, наступил другой...

— Как, вы еще здесь? — строго проговорил врач, появляясь в палате. — Сейчас же, сейчас же домой! А то больше не пушу!

Подружки улыбнулись виновато и благодарно: они поняли, что Борис Михайлович их союзник.

Тамарино место в аудитории пустовало. Но никто не забывал о ней ни на одну минуту.

Как-то в училище пришел представитель горпищеторга, попросил часок-другой поработать в одном из складов, перебрать яблоки: плохие отделить от хороших. Девушки два вечера старательно трудились. И, когда собрались уходить, заведующий складом преподнес каждой по большому яблоку.

— За работу!

Наутро все 24 ароматных румяных плода оказались на столике у Тамары...

— Витамины! Нам они ни к чему... Серьезно!

Первые цветы появились в Оренбурге — подснежники. Целую охапку принесли девчата в палату (теперь уже им разрешали свободно посещать подругу). Затем наступила очередь тюльпанов, сирени, ландышей, черемухи... Цветы отмечали ход времени. За окном палаты отзвенела ручьями весна. Вот и первый летний дождь прошумел по улицам города и прилепил к стеклу зеленую ладошку клена...

Тамара не чувствовала себя одинокой, оторванной от коллектива, учебы, комсомола, хотя и находилась в больнице третий месяц. Некогда было предаваться печальным мыслям, тосковать: на тумбочке лежали конспекты, книги. Нужно успеть приготовить «уроки». Не пропуская ни одного дня, ходят в палату самые строгие экзаменаторы — друзья.

Девушек теперь встречали здесь как близких знакомых, давали маленькие поручения, расспрашивали о новостях. И нередко, когда одна из подруг, стараясь не мешать окружающим, читала Тамаре вполголоса учебник, кто-нибудь из больных говорил:

— Читай, читай, не стесняйся! Учитесь на здоровье!

Наступила пора выписываться из больницы. Последние месяцы можно полежать и дома. Девочки забежали по городу в поисках цветов, заказали такси. Директор

училища И. Л. Беликов и классный руководитель А. И. Чернова, одобрительно наблюдавшие за всем, что происходило в восьмой группе, тут решили вмешаться:

— Мы достанем машину.

— Нет, нет, Илья Леонтьевич! Мы хотим сами. Понимаете, она ни разу в жизни не ездила в такси. И вообще...

— Понятно, — улыбнулся директор. — Если сами, то понятно.

Вечером в общежитии долго не тушили свет. Беседа не умолкала ни на минуту. Девушки были возбуждены: вернулась домой подруга! И когда, наконец, щелкнул выключатель, все никак не могли уснуть...

Длинные полосы от ночного фонаря пересекали комнату, выхватывая из темноты знакомые предметы обстановки. Тамара лежала с открытыми глазами. Она дома! Она среди друзей. Долго не могла заснуть. «Да ведь я с ними на следующий курс перейду. Вместе с ними буду, всегда вместе!» — пронеслась мысль в голове.

Все в ней запело...

И вот тут-то она стала подыскивать ту меру, те слова, которыми смогла бы отблагодарить свою верную восьмую группу... Долго искала, выбирала. И, как ей показалось, нашла.

Утром, когда подруги ушли на занятия, Тамара с помощью костылей поднялась с постели, добралась до стола.

«Дорогая редакция музыкальных передач, — сообщала она в письме в оренбургское радио, — недавно я перенесла в жизни серьезное испытание. Выдержать его мне помогли девочки из нашей восьмой группы. Я хочу их отблагодарить, но не знаю, как... Прошу, помогите мне в этом, исполните по радио песню из кинофильма «По ту сторону». Есть такая песня про снег и ветер, про дружбу человеческую... Это самая любимая песня моих двадцати четырех подруг».

Ты права, Тамара! С хорошей песней сроднились подруги твои...

